

³⁰ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 49; Сборник материалов для истории просвещения в России. СПб., 1897. Т. 2. С. 18. Проект кн. А. Чарторыйского «Начала для образования народного воспитания в Российской империи» был представлен 4 октября 1802 г.

³¹ ПСЗ-І. Т. 27. СПб., 1830. № 20407.

³² Отход от идеи Лагарпа о скорейшем создании в России сети начальных и средних школ был намечен еще раньше. Характерно обсуждение в Негласном комитете 11 апреля 1802 г. иницированного Лагарпом проекта Клингера. Новосильцев полностью его раскритиковал, ссылаясь на то, что в России слишком большая территория, мало учителей и много сел, чтобы в каждом из них открывать школу. Предложение набирать учителей из выпускников семинарий он также не одобрил, опасаясь, что это ослабит общий уровень духовенства. Как полагал Новосильцев, пусть лучше в селах по-прежнему преподают священники, образовательный уровень которых со временем естественным образом будет расти. На возражение Александра I, не слишком ли долго этого ждать, Новосильцев заметил, что зато это наверняка и надежнее, чем скорые, но сомнительные меры (*Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 2. С. 211–212).

³³ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er. Vol. 1. P. 369.

³⁴ *Андреев А.Ю.* Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19–30.

³⁵ *Meiners Ch.* Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen unsers Erdtheils. Göttingen, 1805. Vol. 4. P. 214–215. О последствиях развития корпоративности в российских университетах начала XIX в. см.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты... С. 464–467.

³⁶ «Смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам!», – писал Карамзин (*Карамзин И.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 67). Анализ докладов «визитаторов» см.: *Kusber J.* Op. cit. S. 394–404.

© 2010 г. Е. А. КАЛИНИНА*

ДИРЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

В первой половине XIX в. в России была создана эффективная система управления народным образованием, важным звеном которой являлись губернские дирекции народных училищ. Они сыграли значительную роль в становлении и развитии просвещения в стране. Изучение их деятельности, в частности на Русском Севере, в губерниях Санкт-Петербургского учебного округа, позволяет лучше понять взаимосвязь всех уровней образования в Российской империи, а также политику учебного ведомства и ее реализацию на местах в дореформенное время. Между тем дирекциям народных училищ не уделялось должного внимания в историографии¹. Долгое время господствовало представление о директорах гимназий как о консервативной группе чиновников, а о дирекциях училищ и их руководителях говорилось лишь в общих обзорах². Только в последние годы стали появляться работы, в которых раскрывается роль директоров народных училищ в системе управления народным просвещением в императорской России³.

В январе 1803 г. были изданы «Предварительные правила народного просвещения», определившие основы новой учебной системы. Территория империи делилась на учебные округа, во главе которых были поставлены попечители. В каждом округе учреждался университет, а в губернских городах создавались гимназии, находившиеся под наблюдением университетов. Директор гимназии являлся одновременно и директором народных училищ губернии. Он контролировал деятельность всех учебных заведений, в том числе частных школ, «имея в губернии общее смотрение» за училищами⁴. Свои донесения, отчеты, планы, проекты и мнения «обо всех предметах, касающихся

* **Калинина Елена Александровна**, кандидат исторических наук, учитель истории Эссойльской средней школы (Карелия).

до учебного и хозяйственного распоряжения училищ», директор был обязан направлять ректору соответствующего университета, а тот в свою очередь отчитывался перед попечителем⁵. Если же университета не было (как, например, в Санкт-Петербургском учебном округе до 1819 г.), то все сведения о состоянии училищных дел в губернии попечителю отправлял директор.

В развитии системы управления учебными заведениями в первой половине XIX в. можно выделить 2 периода: в 1804–1834 гг. все средние и низшие училища ведомства Министерства народного просвещения, находившиеся на территории учебного округа, были подчинены непосредственно университету, после же 1835 г. руководство ими было возложено на попечителя. Изменение порядка управления средними и низшими училищами произошло по инициативе министра народного просвещения С.С. Уварова, который был основным вдохновителем и автором «Положения об учебных округах» и нового общеуниверситетского устава. Он полагал, что деятельность университета как высшего учебного заведения не должна распространяться на административные и хозяйственные дела учебного округа, а должна быть ограничена рамками учебной и хозяйственной деятельности высшей школы. По мнению министра, с увеличением численности школ на местах, усложнялся порядок управления ими. К тому же очевидны были «издержки» управления через университет: «медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления»⁶. Неудобство управления через университет проявлялось и в том, что профессора университета в течение учебного года были заняты преподавательской деятельностью и инспектировать училищные дирекции могли только во время летних вакансий, когда школы не работали. Проведение таких визитаций оказалось неэффективным.

Изданное 2 июня 1835 г. «Положение об управлении учебными округами» устанавливало, что попечители округов «получают донесения от директоров училищ и гимназий и дают им разрешения или представляют свое заключение на утверждение министру народного просвещения»⁷. Таким образом, с 1835 г. губернские дирекции училищ полностью перешли в ведение попечителя учебного округа. Но связь учебных заведений на местах с университетом на этом не прекращалась. «Положение» предусматривало проведение их «обозрения» профессорами или адъюнктами по поручению попечителя. Кроме того, согласно § 12, попечитель мог запрашивать мнение университетского Совета об усовершенствовании преподавания, введении дополнительных курсов и утверждении методических пособий для средних и низших училищ. Ректор университета являлся также членом Совета при попечителе, в котором обсуждались вопросы организации учебного дела на местах (§ 19).

Санкт-Петербургский университет был учрежден в 1819 г. До этого времени все отчеты о состоянии дел в дирекциях Олонецкой и Архангельской губерний, подавались на имя попечителя. Руководители Вологодской дирекции направляли свои отчеты ректору Московского университета, так как Вологодская губ. до 1824 г. входила в состав Московского учебного округа. С открытием университета в Петербурге организация управления училищами округа изменилась. Директора народных училищ теперь отчитывались перед ректором, полностью подчинялись университетскому правлению и только с его ведома могли обращаться с просьбами по делам училищ к губернскому начальству. Начальник дирекции училищ испрашивал у Совета университета разрешения на отпуска преподавателей, представлял подробные отчеты о деятельности учебных заведений и послужные списки состоящих в его ведомстве чиновников и учителей. Университет надзирал за учебной и воспитательной частью во всех учебных заведениях округа, следил за тем, чтобы учебные заведения «снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособиями, и дабы порядок учения соблюдался везде неослабно»⁸. В январе 1827 г. ректор университета А.Л. Дегуров предписал всем директорам училищ Петербургского учебного округа немедленно доносить обо всех происшествиях начальству⁹.

По-видимому, ректор действительно владел достаточно полной информацией о состоянии училищного дела на территории округа. 14 февраля 1828 г. попечитель округа К.М. Бороздин потребовал от Дегурова срочно доставить сведения по Олонецкой гимназии, «когда она была учреждена, сколько в ней преподавателей и учеников и какая сумма в год на содержание отпускалась»¹⁰. Несмотря на то, что данное предписание ректором было получено 14 февраля в 6 часов вечера, в этот же день, по имеющимся в канцелярии училищного комитета университета документам (формулярным спискам учителей, отчетам по гимназии, исторической записке об Олонецкой гимназии и т.д.), был составлен подробный рапорт. Утром 15 февраля он уже был доставлен попечителю.

Контроль университета за училищами предусматривал постоянный надзор за численностью учащихся не только в гимназиях, но и в уездных училищах. Так, в 1827 г. директор олонечских училищ С.А. Башинский, заручившись поддержкой городничего г. Олонца, объяснял Дегурову причины «малочисленности» учащихся в Олонечком уездном училище, где обучался только 1 мальчик¹¹. При этом он сообщал, что учитель А. Ильинский оказал «в учении учащихся старание и примерное поведение» и неповинен в отсутствии учеников¹². Башинский также выражал надежду, что в следующем учебном году их количество начнет постепенно возрастать. Особый надзор осуществлялся за выпускниками Петербургского университета, занимавшими учительские должности в губернских и уездных училищах округа. Их судьбы в первой четверти XIX в. находились под пристальным вниманием конференции Педагогического института, а позже – правления университета. Директора народных училищ сообщали о состоянии здоровья или о причинах смерти бывших студентов (особенно интенсивной была подобная переписка университета с Олонецкой дирекцией, поскольку сюда посылалось наибольшее количество выпускников).

Кандидатуру директора училищ избирал университетский Совет, а затем утверждал министр народного просвещения по представлению, вносившемуся попечителем учебного округа в Главное правление училищ. Директор являлся чиновником VII класса, «если выше чина не имеет»¹³, его жалованье в северных губерниях (Олонецкой, Вологодской и Архангельской) составляло 1 тыс. руб.¹⁴ «Устав учебных заведений» 1828 г. определял директора «хозяином гимназии и начальных всех казенных училищ, в губернии находящихся; его надзору подчинены пансионы и другие частные учебные заведения губернии»¹⁵. Главная его обязанность состояла «в бдительном и неослабном надзоре за гимназией и вверенными ему училищами» и в выполнении всех предписаний начальства. Он обязан был «смотреть за благонаравием и наукою учащихся», а в конце учебного года производить открытые испытания учеников¹⁶.

По мнению министерства, для укрепления авторитета учебных заведений в обществе необходимо было «возвысить звание начальников» губернских дирекций училищ¹⁷. Поэтому моральному облику директоров уделялось большое внимание. «Устав» 1804 г. требовал, чтобы директор гимназии был «сведущ в науках, мог исправно судить об искусстве учителей и успехах учеников; был деятелен и благонамерен, любил порядок и добродетель, усердствовал пользам юношества и знал цену воспитания» (ст. 65)¹⁸. Ему следовало служить «с усердием и рачительностью, подавать добрый пример в порядке и благонаравия своим подчиненным» (ст. 70)¹⁹. В отношениях с учителями и смотрителями училищ ему предписывалось быть внимательным, помогать советом и делом не только в учебных, но и личных делах. В марте 1834 г. вышло постановление Министерства народного просвещения о строгом отборе на должности директоров народных училищ способных и благонадежных людей.

Поскольку школы располагались на большом расстоянии друг от друга, директорам нуждались в помощниках. В 1804 г. была введена должность штатного смотрителя училищ, который надзирал за уездными и приходскими училищами и был подотчетен директору. Обозревая учебные заведения в своем уезде, смотритель составлял подробные отчеты о посещении школ. Однако прогонные деньги смотрителям были назначены только в 1816 г., вследствие чего статья «Устава» об обозрении училищ не всегда выполнялась. Так, в 1804 г. в Олонечком приказе общественного призрения

разбиралась жалоба директора училищ П.А. Ушакова на смотрителя Каргопольского уездного училища П. Ларионова, не подававшего сведения о состоянии училищ в Каргопольском уезде. Губернатор и заседатели «приказали» Ларионову составить необходимые отчеты, а Каргопольскому городничему проконтролировать выполнение приказа²⁰.

Много времени у директоров училищ уходило на служебную переписку: составление различных отчетов, ведомостей, донесений, прошений. Чем больше было учебных заведений в губернии, тем сложнее была отчетность. Многие элементарные проблемы не могли решаться на местах и требовали вмешательства центра: назначение инспекторов гимназий, введение новых учебных курсов, летние отпуска и награждения учителей, утверждение экзаменационных материалов, составление расписания учебных предметов в училищах и т.д. При этом в своих донесениях вышестоящему училищному начальству директор училищ не только описывал существующее положение, но и высказывал предложения относительно развития учебного дела в губернии. Отзывы, суждения, мнения с мест давали возможность выявлять позитивные и негативные стороны учебных реформ и корректировать их проведение. Особенно это было важно в начале XIX в., когда происходило становление системы народного просвещения. Так, в декабре 1804 г. директор олонечких училищ А.Е. Крылов в донесении попечителю графу П.А. Строганову предложил объединить усилия Министерства народного просвещения и духовного ведомства в вопросе «доставления складки денег на содержание в городах домов для духовных училищ»²¹. По мнению Авраама Егоровича, подготовку учителей для сельских приходских училищ должны были совместно осуществлять учебное и духовное ведомства. Директор Архангельской дирекции в октябре 1836 г. предложил с разрешения попечителя учебного округа ввести в губернской гимназии вечерние «чтения с кафедр вслух лучших российских и других поэтов и прозаиков», дабы искоренить «плохое местное произношение» уроженцев Архангельской губ.²²

Директор народных училищ должен был ежедневно посещать губернскую гимназию, и не менее двух раз в неделю – приходские училища и пансионы в губернских городах. Кроме того, он обязан был объехать хотя бы 1 раз в год все подведомственные училища губернии. В 1828 г. по «Уставу учебных заведений» периодичность обзрений была изменена. Объезд губернии зависел теперь от количества училищ на ее территории. Если их численность была значительной, и все они находились на значительном расстоянии друг от друга, тогда с разрешения университета губернию можно было обзирать не ежегодно, а раз в 2 года (ст. 175). Необходимо отметить, что такие поездки по губернии директора училищ совершали регулярно, составляя подробные отчеты о посещении учебных заведений и испытаниях учащихся. Часто обозрения давали толчок развитию народного просвещения в крае. Так, Крылов во время своих поездок не только посещал уездные училища, но и бывал в деревнях и селах губернии, встречался с местными жителями и убеждал их в пользу образования. В результате, в его директорство (1804–1806 гг.) начали работу 20 сельских приходских училищ. Директор вологодских училищ А.В. Башинский, объезжая подведомственную территорию, постоянно встречался с представителями купечества, приглашая их становиться почетными смотрителями уездных училищ. Итогом таких встреч в городах Вологодской губ. стало утверждение почти во всех уездных училищах почетных смотрителей, которые оказывали значительную материальную помощь школам.

Директора гимназий составляли расписание учебных предметов в гимназии, которое утверждалось попечителем учебного округа²³. Их особой заботой являлось устройство училищных зданий губернской гимназии и уездных училищ. В 1804 г. Крылов лично составил сметы постройки каменных домов для народных училищ в уездных городах Олонечкой губ. Такие же сметы на постройку Кемского и Онежского уездных училищ были составлены директором архангельских народных училищ И.А. Никольским в 1846 г.²⁴ Большое внимание уделялось и пополнению материальной базы школ: собранию библиотек, приобретению учебных пособий и организации минерального и физического кабинетов в гимназиях. В своих прошениях попечителю и ректору уни-

верситета директора училищ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний постоянно просили выделить деньги на приобретение и доставку в училище приборов, карт и книг.

Непосредственной обязанностью директоров было наблюдение за работой учителей гимназии. Директор сообщал попечителю и ректору университета об их назначении, перемещении, болезни и смерти. В 1808 г. директора Архангельской и Олонецкой губерний составили донесения о прибытии на службу в губернские гимназии студентов первого выпуска Педагогического института²⁵. В них подробно сообщалось об условиях их быта и учебной нагрузке. Если учителя из числа выпускников университета тяжело заболели, то по ходатайству директора училищ университетское правление помогало им устраиваться на лечение в Обуховскую градскую больницу Петербурга, где лечились в период обучения студенты. Лечение оплачивалось из средств университета. Так, 1813–1817 гг. на лечение в Петербург были отправлены И.Д. Егорьевский из Олонецкой гимназии и П. Беликов из Архангельской гимназии. Когда же в правление университета с просьбой о помещении в петербургскую больницу обратился выпускник Олонецкой гимназии, смотритель училищ Вытегорского уезда А. Луневский, ему было отказано на том основании, что подобным правом обладают только бывшие студенты Императорского университета. Директор училищ подписывал разрешения на увольнение учителей в отпуск (не более чем на 28 дней), представлял их к наградам и производству в следующий чин, ходатайствовал о материальной помощи вдовам²⁶. Неблаговидное поведение учителей также становилось объектом пристального внимания училищного начальства. О таких фактах директор училищ обязан был докладывать ректору университета и попечителю учебного округа. Так, в 1833 г. в университетский училищный комитет было доложено о пьянстве выпускника университета Н.О. Куныева²⁷.

Условием успешной деятельности директоров было сотрудничество с губернской администрацией. В «Предварительных правилах народного просвещения» 1803 г. указывалось, что директор училищ губернии «во всех случаях для благосостояния учебных заведений» обращается к губернатору (ст. 12)²⁸. Крылов постоянно напоминал губернскому начальству о проблемах в своем ведомстве, главной из которых, конечно же, было финансирование. Чтобы быть в курсе распределения денежных средств, неутомимый директор училищ (не без помощи попечителя учебного округа) получил право присутствовать на заседаниях Олонецкого губернского приказа общественного призрения²⁹. Иногда директор училищ сопровождал губернатора в поездках по губернии, и тогда губернатор посещал училища, присутствовал на испытаниях учащихся, беседовал с учителями. Профессор Петербургского университета А.В. Никитенко в своих воспоминаниях о поездке по учебному округу в 1833 г. отмечал, что губернатор Архангельской губ. И.И. Огарев «сам мало образован, но с величайшим рвением заботится о просвещении»³⁰. Пристальное внимание губернского начальства к делу просвещения значительно повышало авторитет школы среди местного населения. Значительные преобразования в учебных заведениях Олонецкой губ. были проведены во время губернаторства А.И. Яковлева и управления дирекцией М.И. Троицким. Их совместная деятельность привела к открытию в Петрозаводске духовной семинарии (1829 г.), училища для детей канцелярских служащих (1831 г.), Александровского заводского двухклассного училища (1831 г.), приходских училищ в Лодейном Поле, Повенце и Пудоже (1836 г.).

Северные губернии России рассматривались столичным училищным начальством не только как место обязательной службы выпускников университета, но и как место для исправления нерадивых студентов и учителей. В декабре 1811 г. студенты Педагогического института Александр Розанов и Петр Беликов были наказаны за «предосудительные проступки» отсылкой в Петрозаводск «на исправление». Их проступок состоял в том, что вместо посещения Щукиного двора, куда они отпросились за покупками, студенты побывали у своего друга – офицера Семеновского полка, «откуда возвращались пьяные и попались навстречу неизвестному ремесленнику-немцу», который провожал даму³¹. По словам немца, Розанов и Беликов сорвали с дамы платок,

после чего он закричал «Караул!». На крик подоспела полиция. Розанов смог убеждать, а Беликова препроводили к квартальному надзирателю. Об этом инциденте стало известно не только конференции Педагогического института и попечителю Петербургского учебного округа Уварову, но и министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому. В своем донесении Уваров предложил наказать студентов за «худой» поступок «временным удалением из Института в Олонецкую губернию на исправление с предложением тамошнему директору, чтоб строжайше наблюдал за ними»³². В мае 1812 г. Розанов и Беликов были отправлены в Олонецкую губ. «на исправление» (с годовым содержанием в 200 руб. на каждого). Директор народных училищ Н.П. Ушаков ежемесячно сообщал об их благонаправном поведении. Для лучшего присмотра за провинившимися Ушаков поместил их в здании гимназии, где сам проживал, и «почел необходимо нужным содержать их и обеспечить столом» в своем доме³³.

На такое же «исправление» в августе 1834 г. был направлен бывший выпускник Петербургского университета, учитель подольской гимназии А.И. Мещерский, который был уволен из гимназии по предписанию попечителя Харьковского учебного округа «за нетрезвое поведение»³⁴. За Мещерским, назначенным учителем Олонецкой гимназии, был установлен надзор со стороны директора народных училищ М.И. Троицкого. Каждые 2 месяца директор извещал попечителя о поведении учителя. Однако Мещерский через полгода вновь запил. Несмотря на все прошения «о пощаде многодетного семейства» (у Мещерского было семеро детей), в 1835 г. его уволили из учебного ведомства.

Директора училищ, кроме своих служебных обязанностей, участвовали и в общественной жизни губернии. Чаще всего их привлекали к деятельности в различных губернских комитетах. И.А. Никольский и Троицкий были членами соответственно Архангельского и Олонецкого губернских статистических комитетов и попечительских обществ о тюрьмах. Н.П. Левицкий привлекался к работе в цензурном комитете «Вологодских губернских ведомостей». Многие из директоров имели университетское образование и продолжали заниматься научной деятельностью. Никольский тесно сотрудничал с Вольным экономическим и Российским географическим обществами, отправлял в их адрес свои статьи по истории и этнографии Архангельской губ., публиковал материалы в «Москвитянине», «Журнале министерства внутренних дел», в «Архангельских губернских ведомостях», составил учебник для гимназий по арифметике. А.С. Власов, будучи директором вологодских училищ, написал повесть «Прожитое» и «Краткое обозрение состояния 3-й Санкт-Петербургской гимназии за первое 20-летие». Директор Олонецких училищ В.В. Игнатович занимался историей европейских средневековых университетов.

Несомненно, в деятельности училищных дирекций были свои положительные и отрицательные стороны. Поскольку директор училищ был «хозяином» сети училищ подведомственной губернии, он лично отвечал за все происходившее в них. Случались ошибки и промахи, за которые приходилось нести ответственность перед ректором, попечителем или министром. В основном замечания касались формы отчетов и ведения училищных архивов. Так, в 1846 г. попечитель Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин указал директору олонечких училищ В.В. Джаксону, что в отчете ничего не сказано о переменах в преподавании математики в гимназии, нет данных о библиотеке и об учениках, окончивших с особыми успехами и благонаправленным поведением. Кроме того, попечитель был недоволен тем, что «отчет составлен не согласно с утвержденной формой»³⁵. Особенно строго внушения делались директорам в случае применения телесных наказаний и жестокого обращения с учащимися в подведомственных им учебных заведениях. В январе 1836 г. попечитель учебного округа М.А. Дондуков-Корсаков направил директору вологодских училищ предписание о том, что ему стало известно о наказании учеников в классах учителями, хотя это противоречило уставу 1828 г. и было «строго воспрещено»³⁶. В 1850 г. в Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. в результате жестокого обращения со стороны учителя и содержательницы училища помещицы А. Николаенковой погиб ученик частной шко-

лы. Учитывая, что частная школа была открыта без ведома губернского училищного начальства, Мусин-Пушкин сделал директору олонекских училищ А.С. Иордану строгое предупреждение³⁷.

Злоупотребление служебным положением также влекло наказание. В марте 1813 г. произошло, казалось бы, незначительное событие, поставившее точку в карьере олонекского директора Ушакова. Директор училищ повздорил с почтмейстером П. Свечинским. Николай Петрович отправлял своим родственникам в Новгород посылку и пытался это сделать за счет дирекции. Заметив это, почтмейстер отказался не только отправить посылку, но и упаковать ее. По словам Ушакова, Свечинский «нанес ему несносную обиду своею надо мной дерзостью»³⁸. На почтамте между директором училищ и почтмейстером произошла словесная перепалка, окончившаяся взаимными угрозами. Данный факт дошел до попечителя учебного округа и министра народного просвещения. В июне 1813 г. директор был приглашен в Санкт-Петербург к Н.Н. Новосильцеву, где ему было сделано внушение о незаконности его действий и объявлено «об увольнении от настоящей должности для определения впредь к другим делам»³⁹.

По вопросам финансового и дисциплинарного характера директор училищ отчитывался и перед губернатором. К примеру, в 1834 г. олонекский губернатор Яковлев потребовал от Троицкого объяснений по поводу опозданий учителей и пропуска ими уроков⁴⁰. Иногда директор становился объектом анонимных жалоб. Так, к Новосильцеву поступали сведения, что Ушаков «не соблюдает должностного уважения к губернатору как начальнику губернии» и не обращает внимания на предписания губернского начальства⁴¹. «Сделайте, Ваше превосходительство, директору строгий выговор с подтверждением, чтобы впредь уважительнее поступал в отношении своих начальников», – писал неизвестный автор. Как отреагировал на это Новосильцев неизвестно. Таким образом, являясь «хозяином» губернского учебного ведомства, директор народных училищ полностью зависел от высшего училищного и губернского начальства, его деятельность жестко регламентировалась и находилась под постоянным контролем.

По социальному положению директоров народных училищ первой половины XIX в. можно разделить на 3 группы. Часть из них до назначения на должность директора имела большой опыт работы в губернских администрациях, земских судах и других присутственных местах. Например, С.А. Башинский долгое время служил в Олонекской уголовной палате, а с 1813 по 1828 гг. совмещал должности директора гимназии и председателя уголовной палаты. Вторая группа – бывшие офицеры, участники войн, уволенные по состоянию здоровья или окончившие военные учебные заведения, но по разным причинам не поступившие на военную службу. П.А. Ушаков после окончания Морского кадетского корпуса по состоянию здоровья не мог служить на флоте, поэтому после завершения учебы в 1802 г. вернулся домой к родителям в Петрозаводск, где был определен на должность директора училищ. Его однофамилец Н.П. Ушаков – выпускник кадетского корпуса, участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., в 1794 г. по болезни был уволен с военной службы. С декабря 1829 по июнь 1830 г. Вологодскую дирекцию возглавлял тоже бывший морской офицер – лейтенант А.А. Соколов.

Третья группа – бывшие учителя губернских гимназий, смотрители уездных училищ, сделавшие карьеру в учебном ведомстве и поэтому хорошо знавшие состояние дел на местах. Среди них было много выпускников Педагогического института, а позднее – Императорского Санкт-Петербургского университета. Например, Троицкий после окончания Педагогического института в 1810 г. работал учителем Олонекской гимназии, смотрителем Петрозаводского уезда, а с 1828 по 1845 г. – директором олонекских училищ. Выпускник Санкт-Петербургского университета (1823 г.) Никольский был сначала учителем физики и математики архангельской гимназии, затем инспектором Олонекской гимназии, а в 1840–1865 гг. являлся директором архангельской дирекции училищ. Представителем учительской профессии был и А.В. Башинский, долгое время возглавлявший дирекцию вологодских училищ.

Для многих директоров служба в одной из губерний столичного округа становилась своеобразной ступенькой в дальнейшей карьере. Так, например, П.А. Шипилов после работы в вологодской дирекции с 1829 г. заведовал 2-й Санкт-Петербургской гимназией. Игнатович, возглавлявший в 1847–1849 гг. олонекскую дирекцию, в 1849 г. получил должность директора 1-й Санкт-Петербургской гимназии. И.Н. Скрыдлов, руководивший архангельской дирекцией в 1834–1838 гг., в 1838 г. стал директором псковской гимназии.

На рубеже XVIII–XIX вв., до учреждения Министерства народного просвещения, назначение директоров народных училищ осуществлялось губернскими властями, «нередко без дальнего внимания к способностям и сведениям для таковых мест потребным»⁴². В 1803 г. Министерство народного просвещения выразило недовольство таким положением дел в училищном ведомстве и потребовало «осмотрительного выбора в людях» на приискание кандидатур на должность директора. Первоначально министерство считало главной обязанностью начальников училищ в губернии выполнение ими административных и хозяйственных функций. Однако с течением времени выяснилось, что наибольшие успехи по управлению дирекцией наблюдались у чиновников с университетским образованием и опытом педагогической деятельности. В середине XIX в. А.С. Воронов отмечал, что «теперь места везде заняты людьми, выбранными из самих учителей и пользующихся доверием и уважением общества». «Возможность такого выбора из среды самого ученого сословия... показывает успех учебной части», – подчеркивал он⁴³.

Директора училищ, имевшие высшее образование и опыт преподавания, могли достойно заменить отсутствующих старших учителей в губернских гимназиях, что они и делали, поскольку проблема замены уроков в гимназии стояла довольно остро. По воспоминаниям бывших гимназистов начала 1830-х гг., директор, заменяя отсутствующего учителя, «чаще всего оставлял журнал, отмечал в нем статьи, и ученики вслух по очереди читали содержание этих статей»⁴⁴. Сам же директор при этом покидал аудиторию, предоставляя учащимся полную свободу действий. Такие «замены» уроков не приносили никакой пользы в учении, причем страдало и качество обучения, и дисциплина. К бывшим учителям, ставшим директорами училищ, в провинциальном обществе относились с уважением. Они знали деятельность учебных заведений «изнутри», лучше умели ладить не только с педагогами, но и с учащимися. А.В. Никитенко, обозревая Олонекскую губ. в 1833 г., отметил в своих мемуарах: «Обедали у Троицкого. Этот человек неглупый. Его любят в городе»⁴⁵.

Несмотря на достаточно приличное материальное обеспечение (жалованье 1 тыс. руб. в год, бесплатная квартира с отоплением и освещением в училищном доме, доплаты за преподавание учебных предметов в гимназии в отсутствии учителей, прогонные деньги), директора народных училищ часто сменялись. В северных губерниях причинами этого были тяжелые климатические условия и дороговизна жизни. С возрастанием цен на предметы первой необходимости жалованья не хватало, от чего обыкновенно больше страдали семейные люди. «Нынешние оклады содержания так ограничены, что на них семейному человеку почти невозможно существовать не только в столице, но и в губернских городах», – отмечал корреспондент «Журнала министерства народного просвещения» в 1862 г.⁴⁶

Воспоминания, оставленные педагогами и бывшими учащимися гимназий, не только показывают круг занятий начальников губернских училищ, но сохраняют их личный облик. У мемуаристов явно прослеживается отношение к директору гимназии как к полноправному «хозяину», который «облекал себя внешним величием»⁴⁷. Учащиеся представляли своего начальника «в образе ласкающего и согревающего солнца... или в величавом образе Юпитера-громовержца»⁴⁸. Например, воспитанник вологодской гимназии Л.Ф. Пантелеев вспоминал, что директор училищ Левитский, бывший учитель русской словесности, «пользовался большим уважением и мы, находясь в 3 классе с нетерпением, в соединении, однако со страхом ждали перехода в 4 класс»⁴⁹. Другие учащиеся воспринимали своих начальников иначе: «Директор всегда в регалиях,

важный, сановитый, даже со значительным чем-то в бровях и во всей физиономии. Он делал, что хотел, жил по-барски»⁵⁰.

У воспитанников, не имевших понятия о круге обязанностей директора, складывалось мнение о его бездействии, ненужности. По их мнению, директор мало вникал в дела училищного ведомства, «ничего не делал, его видели только на экзаменах»⁵¹. Такое впечатление, по-видимому, складывалось оттого, что директор достаточно редко посещал гимназию. Ученики отмечали, что директора они «почти не знали: он приезжал в гимназию только тогда, когда надо было высечь кого-нибудь из учеников» или «видели только мельком, когда он проходил по коридору гимназии»⁵². Педагоги, напротив, чаще вспоминали своего директора как добросовестного, честного человека, который «оставил после себя добрую память как справедливый и гуманный начальник... как сердобольный отец своих учеников»⁵³.

Многие учителя боялись директора, относились к нему с подобострастием, старались во всем угодить: «Вся его фигура наводила на нас какой-то безотчетный страх и вместе с тем внушала уважение»⁵⁴. Характерно, что в своих прошениях на имя директора они обращались к нему: «Добрый Отец!.. Чадолубивейший Отец!.. Зная Ваше начальническое великодушие!»⁵⁵. Необходимо заметить, что, расследуя конфликтные ситуации в гимназиях и других учебных заведениях, директора во многих спорных случаях принимали сторону учителей. Бесспорно, здесь присутствовал элемент корпоративной солидарности. При этом мало кто из педагогов противоречил начальнику, опасаясь за свою дальнейшую карьеру. Считалось, что учителю трудно добиться правды и справедливости от директора: «Учитель не может сделать ничего в пользу правды»⁵⁶.

Таким образом, директора народных училищ сыграли в первой половине XIX в. неоценимую роль в становлении среднего и начального образования. Благодаря плодотворной деятельности дирекций народных училищ северных губерний, сеть учебных заведений в крае постепенно расширялась, и главные народные училища, существовавшие прежде в губернских городах, преобразовывались в губернские гимназии. От инициативы, умения и личных качеств директоров зависело открытие и закрытие школ, размеры дополнительного финансирования за счет благотворителей, обеспечение училищ учебными пособиями и материалами, вся их хозяйственная часть и многое другое. В их руках находились и судьбы учителей и учеников.

Примечания

¹ *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1828 гг. СПб., 1849; *его же.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1828 по 1854 гг. СПб., 1855; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности МНП 1802–1902. СПб., 1902.

² *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первой половины XIX в. М., 1973; Ткаченко А.М.* Учебно-методическое руководство в Харьковском университете школами в 1805–1835 гг. Харьков, 1957.

³ *Гуркина Н.К.* Инспектора народных училищ: место и роль в развитии просвещения и начального образования (на материалах Русского Севера). Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 426–443; *Дальман С.В.* Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX века. СПб., 2007; *Синицына П.Т.* Развитие народного образования на Европейском севере (досоветский период). Архангельск, 1996.

⁴ Предварительные правила народного просвещения. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1867. Ст. 15.

⁵ Там же. Ст. 16.

⁶ Десятилетие Министерства народного просвещения (1833–1843). СПб., 1844. С. 6.

⁷ Положение об учебных округах министерства народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1835. Ч. 7. С. 13.

⁸ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. С. 296.

⁹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 17, оп. 5, д. 2/3, л. 435.

- ¹⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), ф. 139, оп. 1, д. 4267, л. 1.
- ¹¹ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 2/3.
- ¹² Там же, л. 291.
- ¹³ Сборник постановлений... Т. 1. С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 33–34.
- ¹⁵ Сборник постановлений... Т. 2. СПб., 1875. С. 182.
- ¹⁶ Сборник постановлений... Т. 1. С. 321.
- ¹⁷ Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 7.
- ¹⁸ Сборник постановлений... Т. 1. С. 319.
- ¹⁹ Там же. С. 320.
- ²⁰ НА РК, ф. 29, оп. 1, д. 19/135, л. 263.
- ²¹ ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 135, л. 1.
- ²² Там же, д. 4509, л. 1.
- ²³ Там же, д. 328.
- ²⁴ Там же, д. 5190, л. 35.
- ²⁵ Там же, д. 328.
- ²⁶ Там же, д. 520, л. 1; д. 682, л. 14.
- ²⁷ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 4/8, л. 15.
- ²⁸ Сборник постановлений... Т. 1. С. 15.
- ²⁹ ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 77, л. 2.
- ³⁰ *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем был. Записки и дневник. Т. 2. СПб., 1905. С. 334.
- ³¹ ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 739, л. 1.
- ³² Там же, л. 4 об.
- ³³ Там же, л. 17.
- ³⁴ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 4/8, л. 184 об.
- ³⁵ ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 5048, л. 241.
- ³⁶ Там же, д. 4488, л. 1.
- ³⁷ Там же, д. 5479, л. 5.
- ³⁸ Там же, д. 952, л. 1.
- ³⁹ Там же, д. 1005, л. 6.
- ⁴⁰ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 7/15, л. 395.
- ⁴¹ ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 436, л. 1.
- ⁴² Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 2. С. 156.
- ⁴³ *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1828 по 1854 гг. С. 20.
- ⁴⁴ *Полонский Я.П.* Школьные годы // Русская школа. 1890. № 2. С. 8.
- ⁴⁵ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 334.
- ⁴⁶ По поводу предположений об усилении средств содержания учебных заведений МНП // ЖМНП. 862. Ч. 115. С. 99.
- ⁴⁷ Об отношении начальствующих к учащим // Воспитание. 1861. № 1. С. 73.
- ⁴⁸ *Гарусов И.Д.* Провинциальные училища в 30–40-х годах (Воспоминания гимназиста) // ЖМНП. 1910. № 5–6. С. 43.
- ⁴⁹ *Пантелеев В.Ф.* Из воспоминаний о гимназии 50-х годов // Русское богатство. 1901. № 6. С. 124.
- ⁵⁰ *Мартынов Д.* Школьные воспоминания // Русский педагогический вестник. 1861. № 6. С. 4.
- ⁵¹ *Погодин М.П.* Школьные воспоминания 1814–1820 гг. // Вестник Европы. 1868. № 7–8. С. 626.
- ⁵² *Янишевский Е.П.* Воспоминания бывшего ученика 2-й Казанской гимназии сороковых годов. Казань, 1896. С. 4; *Маев Н.* Из прошлого 2-й Петербургской гимназии // Русская школа. 1894. № 2. С. 30.
- ⁵³ *Семенов Д.Д.* Педагог-идеалист сороковых годов // Русская школа. 1894. № 2. С. 14.
- ⁵⁴ *Семенов Д.Д.* Из школьных воспоминаний старого педагога // Русская школа. 1890. № 9. С. 51.
- ⁵⁵ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 2/3, л. 638.
- ⁵⁶ Об отношении начальствующих к учащим // Воспитание. 1861. № 1. С. 81.